

Анатолий Баранов

ДЕСКРИПТОРНАЯ ТЕОРИЯ МЕТАФОРЫ

STUDIA PHILOLOGICA

УДК 80/81

ББК 81

Б 24

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 14-04-16020

Рецензенты:

д-р филол. наук, профессор *Л. П. Крысин*

д-р филол. наук *Анна А. Зализняк*

*Рекомендовано к печати Ученым советом
Института русского языка им. В. В. Виноградова*

Баранов А. Н.

Б 24 Дескрипторная теория метафоры. — М.: Языки славянской культуры, 2014. — 632 с. — (Studia philologica).

ISBN 978-5-9905856-7-6

В книге излагаются положения дескрипторной теории метафоры, в основе которой лежит когнитивная теория процессов метафоризации. Метафора описывается как совокупность двух типов дескрипторов: сигнификативных и денотативных. Исследование частоты использования дескрипторов указанных типов позволяет создавать модели функционирования метафоры в дискурсе. Основная направленность дескрипторной теории заключается в том, чтобы создать формализованный аппарат для описания и инвентаризации метафор отдельных дискурсов или их замкнутых фрагментов. При этом широко используются компьютерные методы обработки языковых данных.

В книге описывается как концептуальный аппарат дескрипторной теории метафоры, так и примеры его реального использования в области политической лингвистики и при изучении метафоры ограниченных по объему дискурсов. В частности, приводятся примеры применения вводимого инструментария для описания понятий коррупции, бизнеса и власти. Отдельная часть книги посвящена проекту по сравнительному описанию русской (период перестройки) и немецкой (эпоха объединения ГДР и ФРГ — Wende Periode) политической метафоры. В качестве примера исследования метафоры ограниченных по объему дискурсов приводится анализ метафор Евангелий и художественных текстов А. Платонова. В приложении даются примеры нескольких важных статей словаря политических метафор, не вошедших в ранее опубликованные словари.

УДК 80/81

ББК 81

*В оформлении переплета использована картина
Рене Магритта «Голос крови» (1947 г.)*

© А. Н. Баранов, 2014

© Языки славянской культуры, 2014

ISBN 978-5-9905856-7-6

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение: теория или технология?	11
--	----

ЧАСТЬ I. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АППАРАТ ДЕСКРИПТОРНОЙ ТЕОРИИ МЕТАФОРЫ

Глава 1. ОСНОВНЫЕ КАТЕГОРИИ МЕТАЯЗЫКА ДЕСКРИПТОРНОЙ ТЕОРИИ МЕТАФОРЫ	27
1.1. Метаязык в лингвистическом исследовании	27
1.2. «Метафорическая модель» и когнитивная теория метафоры	29
1.3. Количественные характеристики метафорической модели.	43
1.4. Типы метафорических моделей и их сочетаний	48
1.5. Понятие дискурсивной практики и его распространение на сферу метафорики	54

Глава 2. СОЧЕТАЕМОСТЬ МЕТАФОРИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ	63
2.1. Стилистические «изыски» политического дискурса как лингвистическая проблема	63
2.2. Сочетаемость М-моделей: элементы формальной типологии	66
2.3. Сочетаемость М-модели механизма с другими М-моделями	72
2.4. Сочетаемость М-моделей и проблема конвенциональности метафор	83
2.5. Заключение	90

Глава 3. «ВОСКРЕШЕНИЕ» МЕТАФОРЫ В СВЕТЕ ДЕСКРИПТОРНОЙ ТЕОРИИ	93
3.1. Постановка проблемы	93
3.2. Еще раз о понятии метафорической модели	94

3.3. Метафорические модели политического дискурса	97
3.4. Языковые способы оживления метафоры	98

ЧАСТЬ II. МЕТАФОРА КАК ИНСТРУМЕНТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА

Глава 4. «БОЛЬШОЙ БИЗНЕС И ВЛАСТЬ» В МЕТАФОРИЧЕСКИХ ОСМЫСЛЕНИЯХ	109
4.1. Тема «Большой бизнес и власть» в структуре политического дискурса: динамика и интенсивность обсуждения	109
4.2. Речевые проявления кризисности политической ситуации	111
4.3. Типы метафорических моделей в дискурсе темы «Большой бизнес и власть»	118
4.4. Количественные характеристики метафорических моделей	138

Глава 5. РОССИЙСКАЯ КОРРУПЦИЯ КАК ЯЗЫКОВОЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ (I)	155
5.1. Метафора как инструмент исследования общественного сознания и политического мышления	155
5.2. Организация и проведение эксперимента	158
5.3. Количественная оценка метафорических моделей в экспертном корпусе	161
5.4. Связь частоты с темой интервью в экспертном корпусе	166
5.5. Количественная оценка метафорических моделей в фоновом корпусе в сравнении с экспертным корпусом	170
5.6. Заключение	174

Глава 6. РОССИЙСКАЯ КОРРУПЦИЯ КАК ЯЗЫКОВОЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ (II)	176
6.1. Метафоры как коллективное «языковое бессознательное».	176
6.2. История эксперимента	177
6.3. Состав метафорических моделей и частота их использования в Экспертном корпусе 2	178
6.4. Основные смыслы, высвечиваемые метафорами в Экспертном корпусе 2	182
6.5. Конstellляции метафорических моделей в осмыслении коррупции	194

6.6. Метафорические модели в осмыслении коррупции: сравнение Экспертного корпуса 1 и Экспертного корпуса 2	199
6.7. Констелляции метафор первого и второго Экспертных корпусов в сопоставлении	206
6.8. Заключение	212

Глава 7. ПОЛИТИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ КАК ЯЗЫКОВЫЕ МАРКЕРЫ КРИЗИСНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ	214
7.1. Политическая лингвистика и политические метафоры	214
7.2. Метафоры в политическом дискурсе: эксперимент Х. де Ландсхер	216
7.3. Политические метафоры как показатели кризиса 17 августа 1998 г.	218
7.4. Результаты эксперимента	225
7.5. Метафоры в дискурсе о свободе СМИ	233
7.6. Вместо заключения	234

ЧАСТЬ III. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРИКИ

Введение. ПРОЕКТ ПО СОПОСТАВИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ РУССКОЙ И НЕМЕЦКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРИКИ	243
--	------------

Глава 8. ПРОБЛЕМА РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТИ КОРПУСА ПРИМЕРОВ УПОТРЕБЛЕНИЯ МЕТАФОР	246
8.1. Постановка задачи	246
8.2. Критерии оценки репрезентативности корпуса данных	247
8.3. Организация эксперимента по оценке репрезентативности	250
8.4. Результаты эксперимента	251
8.4.1. Метафорическая модель MUSIK — МУЗЫКА	251
8.4.2. Метафорическая модель WEG — Путь	254
8.4.3. Метафорическая модель THEATER — ТЕАТР ₁	256
8.4.4. Метафорическая модель KRANKHEIT — БОЛЕЗнь	257
8.4.5. Метафорическая модель SPORT — СПОРТ	259
8.5. Заключение	261

Глава 9. ОСОБЕННОСТИ КОДИРОВАНИЯ КОНТЕКСТОВ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТАФОР В «БИЛЕФЕЛЬДСКОМ» ПРОЕКТЕ	262
--	-----

Глава 10. СХЕМА ОПИСАНИЯ МЕТАФОРИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ	269
10.1. Формальные характеристики М-модели	269
10.2. Содержательные характеристики М-модели	272
10.3. Сравнение русского и немецкого материала	273

Глава 11. ОБЩАЯ СТРУКТУРА МЕТАФОРИКИ РУССКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ЭПОХИ ПЕРЕСТРОЙКИ	274
11.1. Методика общего описания метафорических моделей русского и немецкого политического дискурса	274
11.2. Метафорическая структура русского политического дискурса	277
11.3. Метафорические структуры русского и немецкого политического дискурса в сопоставлении	316

Глава 12. М-МОДЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ЭПОХИ ПЕРЕСТРОЙКИ	319
12.1. Формальные характеристики М-модели ЛИТЕРАТУРА	319
12.2. Содержательные характеристики М-модели ЛИТЕРАТУРЫ	321
12.3. Сравнение русского и немецкого материала	332

Глава 13. М-МОДЕЛЬ РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ЭПОХИ ПЕРЕСТРОЙКИ	335
13.1. Формальные характеристики М-модели родственные отношения	335
13.2. Содержательные характеристики М-модели родственные отношения	336
13.3. Сравнение русского и немецкого материала	349

Глава 14. М-МОДЕЛЬ МЕХАНИЗМА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ЭПОХИ ПЕРЕСТРОЙКИ	351
14.1. Формальные характеристики М-модели МЕХАНИЗМА	351
14.2. Содержательные характеристики М-модели МЕХАНИЗМА	352
14.3. Сравнение русского и немецкого материала	367

Глава 15. М-МОДЕЛЬ ФЛОРЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ЭПОХИ ПЕРЕСТРОЙКИ	369
15.1. Формальные характеристики М-модели флоры	369
15.2. Содержательные характеристики М-модели флоры	369
15.3. Сравнение русского и немецкого материала	375

Глава 16. М-МОДЕЛЬ ФАУНЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ЭПОХИ ПЕРЕСТРОЙКИ	377
16.1. Введение	377
16.2. Формальные характеристики М-модели фауны	377
16.3. Содержательные характеристики М-модели фауны	380
16.4. Сравнение русского и немецкого материала	399

Глава 17. МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ОСМЫСЛЕНИЯ РОССИИ И ГДР	402
17.1. Метафора и стереотип	402
17.2. Метафорические осмысления России	402
17.3. Метафорические осмысления ГДР	411
17.4. Россия — ГДР: Метафорические осмысления в сопоставлении	418

Глава 18. ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРИКА: ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)	421
--	-----

ЧАСТЬ IV. МЕТАФОРИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ «ЗАМКНУТЫХ» ДИСКУРСОВ

Глава 19. СИСТЕМА МЕТАФОР ЕВАНГЕЛЬСКИХ ТЕКСТОВ В КАТЕГОРИЯХ ДЕСКРИПТОРНОЙ ТЕОРИИ МЕТАФОР	429
19.1. Постановка задачи	429
19.2. Экстралингвистические проблемы интерпретации метафор Библии	431
19.3. Инструментарий исследования	434
19.4. Технология сбора материала	435
19.5. Общая структура метафорических моделей Евангелий	436
19.6. Основные смыслы, высвечиваемые метафорами Евангелий	440

19.6.1. Метафора РАСТЕНИЯ-ДЕРЕВА	441
19.6.2. Метафора СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА	442
19.6.3. Метафора РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ	445
19.6.4. Метафора ОБЪЕКТА-ПРЕДМЕТА	447
19.6.5. Метафора ПИЩИ	449
19.6.6. Метафора ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ	451
19.6.7. Метафора ФАУНЫ	451
19.6.8. Метафора СТРОИТЕЛЬСТВА	453
19.6.9. Метафора СВЕТА-ТЬМЫ	456
19.6.10. Метафора ПРОСТРАНСТВА	456
19.6.11. Метафора ПУТИ-ДОРОГИ	457
19.6.12. Метафора ОРГАНИЗМА	457
19.6.13. Низкочастотные М-модели (война, преступный мир, персонификация)	457
19.7. Смыслы, «кодируемые» метафорами в Евангелиях	460
19.8. Количественные характеристики метафорических моделей текстов Евангелий	464
Глава 20. МЕТАФОРЫ А. ПЛАТОНОВА: СТРАТЕГИИ ПЕРСОНИФИКАЦИИ МИРА И ДЕПЕРСОНИФИКАЦИИ ЧЕЛОВЕКА	477
20.1. Язык произведений А. Платонова в лингвистических исследованиях	477
20.2. Система метафорических моделей романов «Счастливая Москва» и «Чевенгур»: общий взгляд	478
20.3. Семантические функции метафор и кластеров метафор в текстах романов «Чевенгур» и «Счастливая Москва»	484
20.4. От метафор к понятийным константам	497
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	502
ЛИТЕРАТУРА	505
ПРИЛОЖЕНИЕ	513
1. Метафорическая модель ЛИТЕРАТУРЫ	513
2. Метафорическая модель ФАУНЫ	547
3. Метафорическая модель флоры (РАСТЕНИЕ-ДЕРЕВО)	589
ИНДЕКС	617
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	625

Глава 1. ОСНОВНЫЕ КАТЕГОРИИ МЕТАЯЗЫКА ДЕСКРИПТОРНОЙ ТЕОРИИ МЕТАФОРЫ

1.1. Метаязык в лингвистическом исследовании

Метаязык в широком смысле — это система знаков, которая используется для описания (интерпретации) некоторого феномена — другой знаковой системы, абстрактной сущности, артефакта или природного образования¹. Цель использования метаязыка заключается в том, чтобы проанализировать феномен, классифицировав его по разным основаниям, выявив его положение в ряду аналогичных сущностей. Классификация некоторой сущности (объекта, абстрактной категории) по определенным параметрам представляет собой сравнительно простой вариант метаязыка с минимальным синтаксисом. В результате применения метаязыка возникает концептуальная модель, которая позволяет изучать феномен, оперируя представлением о нем, а не им самим. Наличие концептуальной модели феномена дает возможность онтологизировать его, то есть ввести соответствующий концепт в модель мира и согласовать его с имеющимися там представлениями. Отсюда следует, что метаязык представляет собой важнейший инструмент анализа и создания концептуальной модели объекта исследования.

В лингвистике и логике метаязык противопоставляется объектно-му языку, который описывается в терминах метаязыка. Во внутренней форме термина «метаязык» фиксировано именно это понимание категории метаязыка, которое несколько сужено по сравнению с естественнонаучным, приближенным к понятию моделирования. Таким образом, в лингвистике в качестве объекта описания, исследования выступает язык или связанная с ним другая семиотическая система. Согласно известному тезису Романа Jakobson, сущность любого лингвистического исследования заключается в замене знаков одной семиотической системы знаками другой системы [Jakobson 1966]. Иными словами, Jakobson сводил всю деятельность лингвиста к опе-

¹ В последнем случае о метаязыке можно говорить с известной долей условности, поскольку отсутствует «объектный язык», описываемый средствами метаязыка — см. ниже.

рированию метаязыка. В лингвистических исследованиях результат описания языкового материала во многом определяется выбором метаязыка, с помощью которого представляется исследуемые данные, что в целом отвечает исходным постулатам неопозитивизма, внесшему существенный вклад в разработку научной методологии естественных и социальных наук.

Забегая вперед, сразу скажем, что используемый в дескрипторной теории метафоры метаязык для описания метафор (в частности метафор русского и немецкого политического дискурса — см. ниже) представляет собой совокупность дескрипторов, описывающих область источника и область цели метафоры (в других терминах — «topic vs. vehicle», по Э. Ортони [Ortony 1979]; «главный vs. вспомогательные субъекты», по М. Блэку [Black 1962]). Иными словами, для описания метафоры предлагается **дескрипторная модель**, обсуждаемая более подробно ниже. Основная задача сформулированного метаязыка (и дескрипторной модели метафоры) заключается в том, чтобы обеспечить описание большого массива языкового материала — метафор, дать возможность представить его в формате базы данных и обрабатывать собранную информацию в автоматическом режиме для получения статистики об употреблении метафор различных типов в дискурсе. Такая технология инвентаризации системы метафор применима к материалу самых разнообразных языков, что обеспечивает возможность ее использования в семантической типологии.

Обращение к терминам «область источника» (source domain) и «область цели» (target domain) указывает на то, что в основе предлагаемого метаязыка описания лежит когнитивная теория метафоры, разрабатывавшаяся в 80—90 гг. XX в. Дж. Лакоффом и М. Джонсоном. Поскольку метаязык этой теории используется в литературе по-разному, а некоторые важные категории не получили ясного определения, то ниже по необходимости кратко излагаются основные понятия когнитивной теории метафоры и их модификации, на которых основывается дескрипторная теория и которые используются в данной книге. Основное внимание уделяется базовому для дескрипторной теории понятию — категории «метафорической модели» (М-модели). Понятие метафорической модели было де-факто введено ранее в [Баранов 1991а; Баранов, Караулов 1991], однако не обсуждалось там с необходимой степенью подробности.

Еще одно важное понятие — «метафорика». Термин «метафорика» не имеет до сих пор даже приблизительного определения и понима-

ется совершенно по-разному в различных исследованиях. Возникает впечатление, что метафорика чаще всего по умолчанию интерпретируется как нечто вроде совокупности, множества метафор, однако какова степень абстрактности метафор, объединяемых данным термином, как осуществляется абстрагирование — совершенно неясно. Идет ли речь о концептуальных метафорах в духе Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Lakoff, Johnson 1980; русский перевод — Лакофф, Джонсон 2004], о парадигмах образов в понимании Н. В. Павлович [Павлович 1995; 1999], о символических категориях в метафорах — все это по большей части остается непонятным². Можно, однако, предложить некоторое понимание этой категории, опираясь на дескрипторную теорию метафоры, которое вполне соответствует традиционному употреблению термина «метафорика» в существующей литературе по метафоре. Это понятие опять-таки опирается на категорию метафорической модели. Совокупность М-моделей, использующихся в данном дискурсе, образует **метафорику** данного дискурса. Часть из этих М-моделей типичны для данного дискурса, формируют его как таковой, как специфический и отличающийся от других типов дискурсов. Такие М-модели относятся к **дискурсивным практикам** (ниже — см. раздел 5 данной главы — эта категория обсуждается более подробно). Другие же метафорические модели случайны и не могут рассматриваться как характерная черта речевого поведения участников соответствующей коммуникации. Таким образом, говоря об исследовании метафорики некоторого дискурса, мы должны выявить, во-первых, использующиеся там метафорические модели и, во-вторых, установить, какие из них являются дискурсивными практиками.

1.2. «Метафорическая модель» и когнитивная теория метафоры

Основной тезис когнитивной теории метафоры можно свести к следующей идее: метафоризация основана на взаимодействии двух структур знаний — когнитивной структуры **источника** (source domain) и когнитивной структуры **цели** (target domain). В процессе метафоризации происходит **метафорическая проекция** (metaphori-

² См., например, характерную цитату: «Многие критики недифференцированно говорят о метафорике и символической в индивидуальном стиле того или иного поэта» [Арутюнова 1990: 23].

cal mapping), приводящая к тому, что некоторые области цели структурируются по образцу источника. Предположение о повторении структуры источника в структуре цели получило название **гипотезы инвариантности** (Invariance Hypothesis) (см., например, [Lakoff 1990: 54]). Следы метафорической проекции обнаруживаются на уровне семантики предложения и текста в виде метафорических следствий. Например, метафора Народ / общество [цель] — это стадо [источник] в примерах типа (1)³ обращает внимание адресата на идею «несамостоятельности, пассивности», которая является частью когнитивной структуры (фрейма) «стада»: знания о мире говорят нам, что стадо животных (например, коров — как прототипический вариант для европейской культуры) управляется пастухом:

- (1) Анализ [экономики] основан на официальных и реальных материалах, и если в нем будут прорываться эмоции, то они вызваны отчаянием бессилия от того, что мы вновь, как в недавние времена, являемся лишь бессловесным стадом для экспериментальных губительных игр «верхов». («Молодая Гвардия», 01.12.1990)

Акцентирование внимания на отдельных свойствах источника в области цели, возникающее в процессе метафорического проецирования и проявляющееся на уровне предложения и текста в виде метафорических следствий, часто называют **профилированием** или **коммуникативным высвечиванием**. Иными словами, в примере (1) профилируется идея «несамостоятельности, пассивности».

Когнитивная теория метафоры пока не дает ясного ответа на вопрос о том, как, в сущности, происходит сам процесс взаимодействия когнитивной области источника и области цели в процессах метафоризации. Основная причина этого заключается в том, что не разработан общепринятый метаязык представления знаний для целей описания функционирования языка, не определен инвентарь формальных процедур преобразования знаний. Имеющиеся отдельные попытки в этом направлении (см., например, ряд работ автора и Д. О. Добровольского по формальному моделированию порождения актуального значения идиомы, связанного с метафорическими преобразованиями в [Baranov, Dobrovol'skij 1996; Баранов, Добровольский 2000]) не меняют общей картины. Подчеркнем, что основная проблема здесь даже не в том, как описать структуру фрейма и содержание соответ-

³ Здесь и далее при необходимости нумерации примеры нумеруются по главам.

ствующих преобразований, а в том, как представлять семантическую информацию в компонентах структуры фрейма (соответственно, сценария или плана). Нет ощущения, что исследования данного типа затребованы в настоящее время в лексической и — шире — лингвистической семантике.

Области источника и области цели неэквивалентны не только в смысле направления метафоризации. Область источника — это более конкретное знание, получаемое человеком в процессе непосредственного опыта взаимодействия с действительностью. Это «знание по знакомству», если пользоваться терминологией Б. Рассела [Russell 1997]. Сфера цели — менее ясное, менее конкретное, менее определенное знание, это, скорее, «знание по определению / описанию». Как пишет Дж. Лакофф, «Метафора позволяет нам понимать довольно абстрактные или по природе своей неструктурированные сущности в терминах более конкретных или, по крайней мере, более структурированных сущностей» [Lakoff 1993: 245]. Эта идея была отражена в **тезисе об однонаправленности метафорической проекции**. В дальнейшем тезис об «однонаправленности», выдвинутый в когнитивной теории метафоры, вызвал множество критических откликов. И действительно, противоречащие примеры очевидны. Например, в русском политическом дискурсе концептуализация политика как члена семьи в метафоре родственных отношений вряд ли отвечает тезису об «однонаправленности», ср. (2):

- (2) «Я говорил, что съезд собрался для рассмотрения попытки государственного переворота, а закончится снятием председателя Верховного Совета». После этой короткой реплики мрачный председатель вернулся в президиум, где и просидел молча до позднего воскресного вечера. А съезд, взбунтовавшийся было против Р. И. Хасбулатова, проголосовавший за рассмотрение вопроса о его отзыве, обвинивший спикера в сговоре с президентом, осиротел. Как **непослушный ребенок, приревновавший мать** за разговоры с чужим дядей, он громко закричал: ты мне вообще не нужна! А когда **мать** со словами — ну хорошо: не нужна, так и не нужна — отошла в сторону, он забеспокоился. Напрасно Ю. М. Воронов, занявший место председателя, в поисках контакта делал все для того, чтобы вести себя безупречно. **Ребенок, капризно надувая губы, твердил — ты не моя мама.** («Сегодня», 30.03.1993)

Трудно считать в этой развернутой метафоре «Хасбулатова» (область цели) менее конкретной сущностью, чем метафору МАТЕРИ.

Кроме того, в политическом дискурсе обнаруживается значительное количество примеров метафоризации Ленина как батюшки, дедушки, Ельцина как одного из супругов и т. п.

В таких случаях следует говорить не столько о прояснении неясной целевой области с помощью ее структурирования, сколько об изменении уже имеющейся структуры области цели, о ее переструктурировании («рефрейминге», если пользоваться терминологией нейролингвистического программирования⁴). Новое знание возникает в данном случае благодаря профилированию некоторых свойств источника, не представленных или скрытых в области цели. Однако в целом следует признать верным, что ядро метафорической системы образуют метафоры, отвечающие сформулированному тезису «однаправленности». Собственно, этот тезис отражает одну из важнейших функций метафоры — когнитивную, или функцию получения нового знания.

Область источника в когнитивной теории метафоры представляет собой обобщение опыта практической жизни человека в мире. Знания в области источника организованы в виде **схем образов** (image schemas) — относительно простых когнитивных структур, постоянно воспроизводящихся в процессе физического взаимодействия человека с действительностью [Lakoff 1987: 267]. К схемам образов относятся, например, такие категории, как «вместилище», «путь», «баланс», «верх-низ», «передняя vs. задняя сторона», «часть-целое».

Устойчивые соответствия между областью источника и областью цели, фиксированные в языковой и культурной традиции данного общества, получили название **концептуальных метафор**. К числу концептуальных метафор европейской культуры относятся, например, метафорические проекции Время — это деньги, Спор — это война, Жизнь — это путешествие и др. Концептуальные метафоры могут образовывать когерентные концептуальные структуры более глобального содержания — **когнитивные модели**, которые являются уже чисто психологическими и когнитивными категориями, напоминающими по свойствам гештальты когнитивной психологии.

В дескрипторной теории метафоры используется понятие «метафорической модели», не совпадающее по содержанию ни с одной из

⁴ Заметим, что многие практики нейролингвистического программирования в отношении использования метафор основываются именно на способности метафор помогать в переосмыслении жизненного опыта человека [Gordon 1978; Гордон 1995].

упоминавшихся категорий когнитивной теории метафоры. Для того, чтобы пояснить его содержание, обратимся к формализованной модели процесса метафоризации, предложенной в [Баранов 1991а; Баранов, Караулов 1991; 1994] для словарного описания метафорики политического дискурса в рамках идеологии когнитивной лингвистики и когнитивной теории метафоры.

С формальной точки зрения метафорическая проекция представляет собой **функцию отображения** элементов области источника в элементы области цели. Тем самым источник оказывается **областью отправления** функции отображения, а цель — **областью прибытия**. В результате формируется соответствие между источником и целью, стабильность которого в каждом конкретном случае сильно варьирует — от наименее стабильных творческих метафор до устойчивых «стертых» метафор, фиксированных в культурной традиции общества. Когда элементы области назначения хорошо структурированы, соответствие между элементами области отправления и области назначения метафорической функции отображения может быть взаимно-однозначным. Например, для метафорической проекции Хасбулатов — это мать, представленной в примере (2), функция отображения устанавливает соответствие между элементом области отправления мать и элементом области назначения «Хасбулатов».

Отметим, что элементы областей отправления и назначения не ограничены по степени сложности. Если элементы сами по себе сложны, то однозначности в метафорической проекции не получается. Например, метафорическое выражение *война законов* предполагает проекцию элемента области отправления война на элемент области назначения «законодательская деятельность». И война и законодательская деятельность — это две концептуальные области довольно сложной структуры. Соответственно, для такого метафорического выражения в контексте обобщенного характера, трудно установить, между какими элементами внутри этих областей устанавливает соответствие метафорическая проекция. Так в примере *Правовое общество как раз и отличается тем, что в нем нет и быть не может ни власти одной идеи, ни господства одной структуры, ни войны законов* («Известия», 29.11.1990) не ясно, какие элементы области источника и области цели отождествляются в метафоре: Законодатели — это солдаты, Законы — это выстрелы, Утверждение закона — это атака, Взаимодействие между законами различных субъектов Федерации — это военная операция? Часто такие соответствия

даже противоречат друг другу. Например, Солдаты — это законы, законодатели или судьбы?

Похожая проблема обнаруживается в следующем контексте: *Одна из этих сил <...> — пользуясь нерасторопностью, выморочностью и продажностью этих структур, обкрадывала их последние двадцать лет, <...> выпивала соки из **корней нашего чахлого развития** <...>* (Проханов А. «Наш Современник», 01.09.1990). Очевидно, что если «развитие» (видимо, «экономическое развитие») имеет «корни» и «соки» и квалифицируется как *чахлое*, то оно метафорически осмысливается как РАСТЕНИЕ-ДЕРЕВО. Однако чему в этом случае соответствуют «корни», остается непонятным. Парадоксальным образом слово *корни*, будучи метафорическим «триггером» и иницируя метафическое осмысление соответствующей фразы, само фактически сохраняет в обсуждаемом контексте одно из своих словарных значений «основа, начало чего-л.».

Эта неопределенность метафоры, ее когнитивное «мерцание» [Баранов 1991a] приводит к тому, что функция отображения для метафор со сложными элементами области отправления и/или области прибытия не дает однозначного набора значений. В основе когнитивного «мерцания» метафоры лежит фундаментальное свойство метафорических проекций: способность порождать недискретное дискретными языковыми знаками — номинациями сферы источника и сферы цели. Именно недискретность метафор создает множественные и в принципе неисчислимы следствия. Д. Дэвидсон в связи с этим замечает: «... то, что представляет нашему взору метафора, не ограничено и не пропозиционально. Когда мы задаемся целью сказать, что “означает” метафора, то вскоре понимаем, что перечислению не может быть конца». И далее у него же находим: «Между картиной и словом невозможен эквивалентный обмен» [Дэвидсон 1990: 191].

При компьютерном моделировании случаев обсуждаемого типа — проявлений недискретности метафоры — модель функции отображения должна практически одновременно устанавливать множество различных связей. Конечно, метафорические следствия в контексте часто позволяют прояснить, что имеет в виду говорящий, и тогда появляется возможность установления однозначного соответствия. В дескрипторной теории метафоры ситуация неопределенности, порождаемая эффектом мерцания метафоры, упрощается (оптимизируется): функция отображения в метафорах обсуждаемого типа устанавливает соответствие между именами соответствующих когнитив-

ных областей (дескрипторами — см. ниже) без учета того, являются ли эти соответствия более или менее вероятными, более или менее очевидными. Использование аппарата нечетких множеств могло бы передать эту неопределенность профилирования следствий, однако такая «надстройка» существенно усложнила бы метаязык дескрипторной теории и затруднила бы статистические оценки.

Возможен, однако, и другой тип случаев, когда взаимно-однозначного соответствия между элементами функции отображения нет в принципе. Если в метафорическом выражении реализуется несколько разных по тематике областей источника, то функция отображения, имея в качестве аргументов элементы двух различных областей отправления, соединяет их с одним элементом области назначения. Например, когда политик метафорически уподобляется Лисе Алисе (3), функция отображения устанавливает связь, во-первых, между элементом лиса области отправления животные (фауна) и элементом области назначения «политик» и, во-вторых, между элементом лиса Алиса области отправления литературный персонаж (шире — литература) и тем же элементом области назначения «политик»:

- (3) <...> десяток лет назад **лиса Алиса** обратила внимание Буратино на то, что предприятия в СССР в торговых операциях уже не употребляют денег, а меняют товар на товар, и предложила пресечь это безобразие. Буратино запретил продавать что-либо из того, что было куплено предприятиями, и стал строго за это наказывать. («Огонек», 29.10.1990, № 44)

Важно отметить, что примеры типа (3) могут интерпретироваться по-другому: если считать, что в контексте (3) отображение лиса(животные) → политик уже не ощущается как часть сложной метафоры (то есть метафора животного воспринимается лишь как диахронический феномен, на который накладывается метафора литературного персонажа), то взаимно-однозначное соответствие сохраняется. Для описания таких случаев применима **ретроспективная модель метафоризации**, в которой диахронический аспект отражается с помощью вложенных кортежей. Для рассматриваемого случая это может выглядеть так: <литературный персонаж Лиса<лиса, человек> Алиса, ученый-экономист>.

Описание функции отображения требует определения ее аргументов — элементов области отправления и прибытия. В [Баранов 1991а; Баранов, Караулов 1991; 1994] в качестве аргументов этой

функции предлагается использовать язык семантических дескрипторов. Область отправления функции (или область источника метафорической проекции) описывается совокупностью «сигнификативных» дескрипторов. Сигнификативные дескрипторы представляют собой нормированное подмножество лексем русского языка, для которых запрещена полисемия и омонимия⁵, отсутствуют формы словоизменения. В структуре записи базы данных сигнификативным дескрипторам соответствует специальное **поле** (field). Каждой метафоре приписывается, как правило, несколько сигнификативных дескрипторов, упорядоченных по степени абстрактности — от более конкретного к более абстрактному. Дескрипторы могут отражать также отношения «род-вид» и «часть-целое», при этом упорядочивание происходит, от части к целому, от частного к общему. Например, метафорическому выражению *машина страха* в Базе⁶ данных приписаны следующие сигнификативные дескрипторы — <машина₁⁷, механизм>, а метафорическому выражению *национальная квартира* — кортеж дескрипторов <квартира, части жилища, строение, строительство>. Тем самым, каждой метафоре в Базе данных сопоставлен кортеж сигнификативных дескрипторов. В Базе данных по русской метафорике эпохи перестройки все дескрипторы, кроме терминального (последнего в цепочке по степени абстрактности), получают также маркер «()», что позволяет давать оценку частоты употребления дескрипторов в разных функциях⁸, ср. описание метафоры *попытки догнать ушедший поезд* на языке сигнификативных дескрипторов: <движение, пространство()>, <поезд, транспортное средство(), транспорт()>. Два кортежа соответствуют здесь двум метафорам, которые представлены в обсуждаемом метафорическом выражении — ДВИЖЕНИЕ и ПОЕЗД. Дескрипторы «пространство()» и «транспортное средство()», «транспорт()» соответствуют именам более высоких таксонов понятийно-

⁵ В последних версиях разработанного метаязыка, использованного, в частности, в проекте сравнительного описания русской и немецкой политической метафорике, практически устранена и синонимия.

⁶ В тех случаях, когда имеется в виду конкретная база данных — например, База данных по политической метафорике — используется написание с прописной буквы.

⁷ В противоположность дескриптору «машина₂» в значении ‘автомобиль’.

⁸ То есть изучать различия в употреблении терминальных дескрипторов (конечных в дереве) и нетерминальных дескрипторов, стоящих над терминальными.

го дерева соответствующих областей источников — ПРОСТРАНСТВА И ТРАНСПОРТА.

В области прибытия функция отображения действует на «денотативных дескрипторах», описывающих (применительно к нашему материалу) сферу политических, экономических и социальных (в том числе и социально-психологических) реалий эпохи перестройки. Метафорическое выражение *машина страха* описывается в Базе данных кортежем денотативных дескрипторов <страх, чувство()>, а метафора *национальная квартира* — кортежем дескрипторов <союзная республика, СССР()>. Денотативные дескрипторы в базе данных по перестроечной метафорике также упорядочены по степени абстрактности, ср. кортеж денотативных дескрипторов для метафорического выражения *попытка догнать ушедший поезд*: <решение проблем, политическая ситуация(), политика()>.

Упорядоченность сигнификативных и денотативных дескрипторов в кортежах отражает парадигматический аспект метафоризации, что естественно для словарной инвентаризации данных. Иными словами, рассмотренные двухэлементные множества кортежей⁹ вместе с функцией отображения представляют собой формализованную **парадигматическую модель метафорической проекции**. В обобщенном виде множества кортежей дескрипторов могут быть переоформлены в такой формальной объект, как таблица — что и сделано в словарях [Баранов, Караулов 1991; 1994], см. также приложение к данной книге со словарными статьями ЛИТЕРАТУРА, ФАУНА, ФЛОРА.

Синтагматически каждый акт отображения — цикл работы функции отображения — может описываться как одна пара, состоящая из сигнификативного и денотативного дескриптора: <сигнификативный дескриптор_x, денотативный дескриптор_y>. «Парадигматическая история» каждого из дескрипторов в этом случае скрыта, но может быть восстановлена при обращении к соответствующей структуре знаний. Для метафорического выражения *машина страха* цикл работы функции отображения описывается парой <машина₁, страх>, а для метафорического выражения *национальная квартира* — кортежем дескрипторов <квартира, союзная республика>. Описанные пары <сигнификативный дескриптор_x, денотативный дескриптор_y> вместе с функцией отображения представляют собой формализованную

⁹ Для комбинаций М-моделей множество может быть более, чем двухэлементным — см. ниже.

синтагматическую модель метафоризации, а множество таких пар относительно данной М-модели образует то, что можно назвать **реализациями М-модели в дискурсе**. В последующем в книге речь идет в основном о синтагматической модели.

Синтагматическая и парадигматическая модели метафоризации образуют **deskрипторную модель метафоры**, которая и является теоретической основой исследования политической метафорики в целом ряде проектов, которые с разной степенью полноты представлены в этой книге.

Тематически связанные поля сигнификативных deskрипторов и являются **метафорическими моделями** в понимании, принятом в данной работе. Например, сигнификативные deskрипторы, описывающие проблемную сферу военных действий, армии, образуют М-модель войны; deskрипторы, тематически связанные с родственными отношениями, формируют М-модель родственных отношений. По таким же основаниям выделяются М-модели персонификации, механизма, организма, пути-дороги (как части М-модели пространства), пространства (и движения как части М-модели пространства), погоды, фауны, растения-дерева, медицины, религии-мифологии, театра¹⁰, игры и др. Каждая М-модель описывается иерархически упорядоченными деревьями сигнификативных deskрипторов (такое представление М-моделей принято и в [Баранов, Караулов 1991; 1994]). В описании наиболее частотных метафор русского политического дискурса эпохи перестройки используется порядка пятидесяти наиболее частотных М-моделей. Такое же количество М-моделей выделено и в процессе описания немецкого политического дискурса периода объединения ГДР и ФРГ (период «die Wende» — см. часть III). Это, впрочем, нельзя рассматривать как свидетельство сходства метафорики немецкого и русского политического дискурса. В данном случае это, скорее, эмпирический факт, требующий особого изучения и объяснения.

М-модель организована как семантическое дерево сигнификативных deskрипторов, связи между которыми отражаются положением, которое занимает deskриптор в дереве, а также парадигматическими отсылками к другим деревьям (М-моделям). Так, метафорическая модель путь-дорога русского политического дискурса эпохи перестройки и соответствующая ей М-модель weg немецкого политиче-

¹⁰ Индекс указывает на «театр как род искусства» в противопоставлении «театру как зданию».

ского дискурса периода объединения ГДР и ФРГ выглядит следующим образом¹¹:

ПУТЬ-ДОРОГА

ХАРАКТЕРИСТИКИ МАРШРУТА¹²

пункт отправления

пункт назначения

возвращение

восхождение

канва

курс {→¹³ ПРОСТРАНСТВО}

маршрут

направление

прибытие

продвижение вперед

ВИДЫ ПУТИ-ДОРОГИ

БАМ

бездорожье

дорога

железная дорога

скоростная магистраль

переправа

переулок

путь

тропинка

протоптанная тропинка

тайная тропа

улица

федеральная дорога

улица с односторонним движением

фарватер

ЧАСТИ ПУТИ-ДОРОГИ

зигзаг

WEG

BEWEGUNG AUF DEM WEG

Abfahrtsort

Bestimmungsort

Rückkehr

Aufstieg

—

Kurs

Marschroute

Richtung

Ankommen

Vorangehen

ARTEN DER WEGE

—

unwegsames Gelände

Weg

Eisenbahn

Autobahn

—

Gasse

Bahn

Pfad

Trampelpfad

Schleichweg

Straße

Bundesstraße

Einbahnstraße

Fahrwasser

WEGABSCHNITTE

Zickzack

¹¹ Дерево дескрипторов дается с некоторыми сокращениями.

¹² Курсивом даны дескрипторы, которые выделены по логико-семантическим основаниям, но не использовались при описании метафорики политического дискурса — русского или немецкого.

¹³ Парадигматическая отсылка к другой М-модели.

колдобина	Grube, Furche
колея	Fahrerinne, Radspur
<i>место поворота</i>	Wendepunkt
мостовая	Kopfsteinpflaster
начальная точка	Anlaufpunkt
обочина	Straßenrand
перевал	Paß
перекресток	Kreuzung
перепутье	Scheideweg
пересечение	Überschneidung
поворот	Wende
подъем	Anstieg
<i>придорожный столб/веха</i>	Meilenstein
развилка	—
распутье	Gabelung
рельсы	Schienen
рытвины	Schlaglöcher
светофор	Ampel
стрелка	Weiche
<i>положение стрелки</i>	Weichenstellung
точка в пути	Wegpunkt
тротуар	—
тупик	Sackgasse
ухабы	Unebenheiten
<i>часть пути, отрезок</i>	Strecke
шлагбаум	Schranke
ЛЮДИ	MENSCHEN
попутчики	Weggefährten
человек в пути	reisender Mensch
ведомый (кого ведут по пути)	Geführte
ведущий	Führende
ПРОЦЕСС	PROZESS
мостить	pflastern
<i>проложить, расчистить</i>	ebnen
завести в тупик	in die Sackgasse führen
СВОЙСТВА ПУТИ	WEGEIGENSCHAFTEN
<i>выровненный</i>	glattgemacht
крутой	steil
ложный	abwegig

проходимый	gangbar
тернистый	dornenreich
узкий	schmal
ухабистый	holprig

Сигнификативный дескриптор может одновременно входить в несколько деревьев М-моделей, что является аналогом связей между различными М-моделями. Например, дескриптор курс М-модели путь / дорога повторяется и в метафорической модели пространство; дескриптор несварение желудка одновременно попадает и в дерево М-модели пища и в дерево болезнь (медицина); дескриптор бацилла входит и в дерево болезнь (медицина) и в дерево фауна.

Из рассмотренных ранее категорий когнитивной теории метафоры наиболее близка по содержанию понятию «метафорической модели» категория «схемы образа» (image schema). Классические схемы образов «вместилище», «путь», «верх–низ», «передняя vs. задняя сторона» представляют собой части М-моделей движения и пространства в предлагаемом понимании. Итак, **первое различие** заключается в том, что схемы образов являются частями соответствующих М-моделей.

Второе различие касается способа представления рассматриваемых категорий как структур знаний. В литературе по метафорике отмечается, что схемы образов когнитивно связаны между собой — в том числе по метафорическим следствиям, но конкретный способ представления этих связей до сих пор не разработан. Между тем очевидно, что если схемы образов являются когнитивными структурами, то есть структурами организации знаний о мире, то им должен соответствовать какой-то единый способ представления. Для декларативных знаний наиболее естественный способ представления — тезаурусный. М-модели органично объединяют многие схемы образов в едином концептуальном поле — семантическом дереве. Например, схемы «верх–низ», «передняя сторона — задняя сторона» входят в М-модель пространства-движения. Отношения между схемами образов эксплицируются с помощью семантических отношений в дереве соответствующей М-модели. Некоторые М-модели, будучи частями более крупных М-моделей, выделяются в автономные образования. Это чаще всего связано с высокой частотой их употребления в дискурсе. Например, М-модель пути-дороги, хотя она и образует часть М-модели пространства-движения, разумно рассматривать отдельно (см. обоснование такого решения в главе 12). Очевидно, что схема

образа «путь» близка М-модели пути-дороги, однако схема образа неопределенна по способу представления знаний. В каждом конкретном случае она реализует те свои потенции, те свойства, которые необходимы для профилирования того или иного свойства в отдельно взятой метафорической проекции. М-модель пути-дороги, напротив, является обобщением использования в метафорических осмыслениях соответствующей области источника. Как структура знаний декларативного типа она включает такие иерархически упорядоченные компоненты (узлы дерева), как пункт отправления, пункт назначения; виды пути-дороги — БЕЗДОРОЖЬЕ, МАГИСТРАЛЬ, ШОССЕ, ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА, ПЕРЕПРАВА, ПЕРЕУЛОК, ТРОПИНКА, УЛИЦА; части пути-дороги — КОЛДОБИНА, МОСТОВАЯ, ОБОЧИНА, ПОВОРОТ, ПОДЪЕМ, ПЕРЕКРЕСТОК, РАЗВИЛКА, УХАБЫ и т. д. — см. приведенное выше дерево дескрипторов этой модели. В имеющейся практике использования схем образов они не прописываются столь подробно, как декларативные структуры знаний и не формируют цельной картины действительности в модели мира.

Третье различие касается относительной независимости схем образов. Из самой формулировки понятия схемы образа следует, что эти схемы независимы друг от друга и если и образуют группировки в «когнитивных моделях» (см. выше), то применительно к конкретным проблемным ситуациям. Метафорическая модель представляет собой более глобальную по содержанию структуру, связанную с другими М-моделями, что отражается и в выбранной форме ее представления — семантическом дереве тезаурусного типа. Практически каждая М-модель характеризуется широкими парадигматическими связями с другими М-моделями. Некоторые М-модели, как уже говорилось ранее, вообще являются частями более глобальных М-моделей. Так метафора путь-дорога входит как необходимая часть в М-модель пространства-движения; значительная часть дескрипторов М-модели ПРЕСТУПНЫЙ МИР входит в М-модели персонификации (ср., например, выражения *демократия как валютная проститутка*, *время как вор* и пр.), СТРОЕНИЯ (*тюрьма как строение*) и т. д.

Четвертое различие заключается в том, что М-модель в существенно большей степени связана с языковой формой представления знаний, чем схемы образов. Значительная часть когнитивной структуры схемы образа вообще может не вербализоваться, существуя в виде невербализованных и практически неосознаваемых навыков взаимодействия с окружающим миром. В противоположность схемам образов, метафорическая модель в рассматриваемом понимании

прямо связана с языковой категоризацией действительности. Иными словами, схема образа в определенном смысле «более когнитивна» и «менее лингвистична», чем М-модель. В силу сказанного категория М-модели в большей степени подходит для словарного описания метафорики, позволяя фиксировать, так сказать, «языковую, регулярную» часть метафорических процессов. В силу названных причин использование понятия М-модели более эффективно и для описания метафорической структуры дискурса.

Имеется и еще одно — **пятое** — различие между схемами образов и понятием М-модели. Схема образа как когнитивная структура возникает исключительно на основе физического взаимодействия человека с окружающим миром, это опыт человеческого тела, но не социальный опыт. Другая формулировка противоречила бы тезису об однонаправленности метафорической проекции (см. выше). Однако, хотя ядро метафорической системы и образуют метафоры, образованные на основе тезиса об «однонаправленности», огромное количество метафорических выражений ему противоречит. Такие М-модели, как литература, медицина, религия-мифология, театр, игра по определению выпадают из ряда схем образов, хотя соответствующие метафоры очень даже используются в политическом языке и других типах дискурса. Это еще одна причина, по которой введение категории М-модели в рассматриваемом понимании необходимо для описания метафорики дискурса.

1.3. Количественные характеристики метафорической модели

Фокусирование внимания на регулярной составляющей метафорических процессов, возможное благодаря категории М-модели, позволяет охарактеризовать ряд важных свойств метафор в дискурсе, которые ранее не обсуждались в научной литературе. Согласно положениям дескрипторной теории метафоры, в процессе метафоризации между сигнификативными дескрипторами М-модели и денотативными дескрипторами области цели устанавливаются множественные отображения, характеризующие особенности употребления М-модели в данном типе дискурса.

Характер отображения можно охарактеризовать количественно. Так, один из параметров М-модели дает информацию о том, насколько «когнитивно нагруженными» оказываются сигнификативные дескрипторы М-модели. Чем больше сущностей области цели опи-